

КАФЕДРА ВОСТОКОВЕДА

РЕГИОНАЛИЗАЦИЯ В СОВРЕМЕННЫХ
МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ*

© 2012

А. Д. ВОСКРЕСЕНСКИЙ¹4. ПРОБЛЕМА ПРАКТИЧЕСКОГО
МАКРОРЕГИОНАЛЬНОГО/РЕГИОНАЛЬНОГО ЧЛЕНЕНИЯ МИРОВОГО ПРОСТРАНСТВА

Пространственное (спатальное, или плоскостное) членение мира в международных отношениях исходит из внутренней цивилизационно-географической и культурно-политической логики развития стран, т.е. из определения международно-политического макрорегиона как привязанной к территориально-экономическому и национально-культурному комплексу² региональной совокупности явлений, объединенных общей структурой и логикой таким образом, что эта логика и историко-географические координаты ее существования являются взаимообусловленными. Такое определение региона как базового понятия мирового комплексного/зарубежного комплексного регионоведения (*global/world regional studies*) и одновременно вспомогательного в международных отношениях позволяет расположить материал в определенной пространственной (спатальной/плоскостной) системе координат.

Если исходить главным образом из географических параметров, то можно выделять географические макрорегионы, мезорегионы (средние регионы), а также отдельные регионы и субрегионы, основываясь на их физико-географических характеристиках. Так мы выделяем мировые континенты (Америку, Африку, Евразию, Австралию, Антарктиду, подразделяя их, в свою очередь, на субконтиненты).

Под регионом в широком смысле понимается определенная территория, представляющая собой сложный территориально-экономический и национально-культурный комплекс, который может быть ограничен признаками наличия, интенсивности, многообразия и взаимосвязанности явлений, выражающихся в виде специфической однородности географических, природных, экономических, социально-исторических, национально-культурных условий, служащих основанием для того, чтобы выделить эту территорию.

Исходя из историко-культурных параметров, можно выделять историко-культурные регионы: китайский, корейский, вьетнамский, индийский, индо-иранский, тюркский, арабский, российский, европейский. Североамериканский, латиноамериканский, африканский регионы объединяются в соответствующие региональные общности по таким параметрам, как геополитическая традиция (принадлежность к единому госу-

---

* Окончание. Начало см.: *Восток (Oriens)*. 2012. № 5, с. 5–16.

¹ При участии С.И. Лунева, Е.В. Колдуновой и Е.А. Пронина.

² Основывающемуся на специфической однородности географических, природных, экономических, социально-исторических, политических, национально-культурных условий, служащих основанием для его выделения.

дарственному образованию), современная тенденция к интеграции (межгосударственному взаимодействию), этнолингвистическое, этнокультурное или этнопсихологическое единство. К культурно-религиозным макрорегионам обычно относят: конфуцианско-буддийский, индуистский, мусульманский, православный, западно-христианский и др.

Геополитические параметры позволяют разделить зарубежную Азию на Центральную, Южную, Юго-Восточную и Восточную, Ближний Восток и Средний Восток. При этом нередко возникает проблема “пограничных” государств, не принадлежащих в полной мере ни одному региону или принадлежащих сразу нескольким геополитическим регионам.

В рамках системного подхода к международным отношениям была предусмотрена возможность рассмотрения частей системы как подсистем, в том числе региональных, обладающих собственными закономерностями международного взаимодействия. Взгляды на функционирование региональных подсистем представлены следующими подходами:

1) параметры международной политической динамики едины для всего мира, региональные подсистемы формируют международное взаимодействие более низкого уровня, однако идентичное по своим характеристикам глобальной системе;

2) регионы уникальны, изучение параметров функционирования одной региональной подсистемы может иметь ограниченное значение для понимания функционирования других региональных подсистем;

3) регионы рассматриваются как отдельный уровень анализа, понимание структуры и особенностей функционирования одной региональной подсистемы может помочь в понимании других регионов, даже если процессы, происходящие в их рамках, принимают различные формы [Колдунова, 2010, с. 71].

Соответственно этим рассуждениям, по-видимому, сегодня с той или иной степенью определенности можно говорить о латиноамериканской, североамериканской (иногда их условно объединяют в панамериканскую или межамериканскую), европейской, африканской, азиатской региональных подсистемах международно-политических отношений и соответствующих этим подсистемам международно-политических макрорегионах, а также и о некоторых более или менее четко определяемых субрегиональных подсистемах (международно-политических регионах) – западноевропейской и восточноевропейской как частях европейской подсистемы (причем специфика этих субрегиональных подсистем стирается на наших глазах), североамериканской и южноамериканской (или латиноамериканской) как частях панамериканской (межамериканской) подсистемы, ближне- и средневосточной, центральноазиатской, южноазиатской, юго-восточноазиатской, восточноазиатской как частях азиатской (или, в ряде случаев, азиатско-тихоокеанской) подсистемы международных отношений.

Региональная подсистема международных отношений (МО) – это совокупность специфических политико-экономических, культурно-цивилизационных, историко-социальных и социо-культурных взаимодействий в пространственном кластере системы МО. То есть региональная подсистема МО – это совокупность специфических взаимодействий подсистемного типа, в основе которых лежит общая регионально-географическая, социально-историческая и политико-экономическая принадлежность.

Ясно, что в соответствии с различными параметрами отдельные страны могут входить не в один, а в два или даже три перекрещивающихся региональных кластера. Кроме того, часто выделяются и другие культурно-географические агломерации государств, которые могут строиться по принципу экономической кооперации и совместной системы безопасности и/или “скрепляться” историческими конфликтами, спорными проблемами, традиционной враждой. Правомерно деление мира на геоэкономические и геополитические регионы, к тому же и некоторые исторические регионы в последнее время приобретают довольно четко выраженные геоэкономические черты. Эти пере-

крещивающиеся принципы цивилизационно-пространственного членения, позволяющие выделять “базовые” или “структурообразующие” регионы, и послужили основой определения наиболее важных международно-политических макрорегионов. В рамках границ этих макрорегионов имеет смысл проводить параллели и строить различного рода сравнения и сопоставления. Такие сопоставления могут послужить основой и для более широких кросс-региональных сравнительных моделей универсального характера. Одновременно они являются основой традиционного практического историко-дипломатического и структурного политико-экономического анализа и используются МИД разных стран в своей организационной деятельности.

Кроме цивилизационно-пространственной (спатальной/плоскостной), существует, как отмечалось выше, и возможность содержательной (аналитической) группировки стран (классификация *versus* типология). Она в принципе конвенциональна и субъективна, так же как и использованная нами спатально-плоскостная. Однако аналитическая модель, как правило, при этом не позволяет акцентировать внимание на общности исторического/цивилизационного/политического развития стран региона, т.е. не позволяет в полной мере осмысливать историческую/цивилизационную общность и одновременно специфику политических процессов конкретных стран в рамках региона. Спатальный принцип подачи содержательного материала позволяет проследить региональную динамику международно-политического развития, судьбу местных и импортированных политических институтов, появление возможных “политических разломов” и политических конфликтов в регионах, имеющих общие цивилизационные/исторические корни и сходные принципы формирования и эволюции политической культуры, сходные формы реакции на явления международной жизни. Такой методологический подход более ориентирован на практику и в некотором смысле более утилитарен. В то же время и в аналитических моделях есть свои сильные стороны. Они позволяют вычленять общие типологические/структурные черты, увидеть закономерности, нередко скрывающиеся пространственными или “страновыми” характеристиками. Поэтому продуктивной представляется разработка комплексных спатально-аналитических принципов дифференциации, позволяющих сочетать элементы пространственного анализа (классификации) с аналитическими принципами построения типологий.

5. ЭВОЛЮЦИЯ КОНЦЕПЦИИ РЕГИОНАЛИЗАЦИИ И ПОНЯТИЕ РЕГИОНАЛЬНОГО КОМПЛЕКСА

Еще в конце 1980-х гг. исследователи отметили тенденцию к проявлению в рамках региональных пространств таких проблем безопасности и связанных с ними политико-экономических процессов, которые вели к формированию “региональных комплексов безопасности”, т.е. групп государств, чьи первичные интересы безопасности тесно связаны друг с другом настолько значительно, что их национальная безопасность не может рассматриваться в отрыве друг от друга. Исследователи Б. Бузан и О. Вевер предложили свой вариант применения концепта регионального комплекса безопасности как практической проблемы макрорегионализации в рамках всей международной системы, при этом понимая, что в новых условиях уже нельзя ограничиться рассмотрением исключительно военно-стратегических вопросов, и предполагая, что такого рода анализ может послужить основой для дальнейших концептуализаций регионального уровня международных отношений. При этом они не стали формулировать расширительное понятие регионального комплекса. Региональный комплекс формулировался как группа единиц, чьи основные дискурсивные процессы, в рамках которых политическое сообщество формирует представление о том или ином факторе как о существенной угрозе или, наоборот, понижает значимость угрозы (секьюритизация и десекуритизация), или оба эти процесса настолько связаны между собой, что проблемы

безопасности данных единиц не могут быть адекватно проанализированы или решены в отрыве друг от друга. Региональный комплекс при таком понимании фактически представляет собой встроенную в политико-экономическую структуру макрорегиона комплексно структурированную проблематику безопасности и развития. Результатом исследования регионального измерения проблем безопасности стала общая концепция региональных комплексов безопасности, нацеленная на то, чтобы объединить достоинства неореалистического, глобального и постмодернистского направлений в международных отношениях и вместе с тем предложить достаточно операциональную теорию регионального уровня.

После окончания “холодной войны” процессы регионального уровня проявляются более отчетливо, что дает достаточные основания для их самостоятельного теоретического анализа на новой стадии обобщения. Причинами усиления региональной динамики конфликтности или сотрудничества стали:

1) снижение вмешательства глобальных держав³ в процессы, протекающие в других частях мира;

2) переход многих великих держав в “легковесную” категорию, что означало существенное ограничение их намерений быть вовлеченными во внешние военные конфликты.

Как уже отмечалось, процессы глобального и регионального уровней стали разделяться исследователями за счет определения различных категорий ведущих акторов, доминирующих на том или ином уровне (супердержавы, государства-доминанты, великие державы, государства-лидеры, региональные державы, государства первого и второго и других эшелонов), и механизмов их взаимодействия, а также путем анализа региональной динамики проблем безопасности в рамках региональных комплексов.

Великие державы (в другой терминологии – государства-лидеры), в отличие от сверхдержав и/или государств-доминантов, не обязательно обладают исключительными возможностями во всех сферах международной деятельности. Однако их отличает то, что их экономические, военные и политические возможности вполне достаточны для того, чтобы в краткосрочной или среднесрочной перспективе попытаться претендовать на статус супердержавы/государства-доминанта или пытаться форматировать или переформатировать мировой порядок [Воскресенский, 2006, с. 20; “*Большая Восточная Азия*”..., 2010, с. 17]. Великие державы активно вовлечены в процесс формулирования повестки дня безопасности и могут действовать в нескольких регионах мира, при этом являясь региональными лидерами, по крайней мере, в одном регионе. Они активно участвуют в форматировании макрорегионального уровня. Терминологическое различие связано с пониманием и градациями этой категории у разных исследователей в разных странах (китайцы употребляют термин “великие” (“*даго*” – большие) государства, который используется некоторыми российскими исследователями по аналогии с англоязычным термином “*the great powers*”, применяемым американцами и англичанами. Последние, в свою очередь, выделяют “*the great powers*” – “старые великие державы” (США, Францию, Германию, Японию, Великобританию) и “*aspiring powers*” – “новые великие державы” (“поднимающиеся”, стремящиеся изменить статус-кво в международной системе: Китай, Россия, Индия, Иран, Бразилия). Подъем великих держав (иногда также используется термин “великие региональные державы”, “новые великие державы” или “сверхкрупные страны”/“новые сверхкрупные индустриальные державы”) происходит либо за счет того, что какие-то страны в силу определенных политических и экономических причин повышают свой статус в международной иерархии, либо за счет упадка бывших сверхдержав.

Таким образом, становится ясна взаимосвязь и иерархия понятий “региональный комплекс безопасности”, “региональный комплекс”, “региональная подсистема”, “ре-

³ Супердержавы и государства-доминанты.

гиональный порядок”, “регион”. Понятие регионального комплекса в его экономической ипостаси обозначается разными этапами/формами “зрелости” региональной интеграции (зоны свободной торговли, таможенный союз, платежный союз, общий рынок, экономический и валютный союз, военно-политический и экономический союз), а в ипостаси безопасности связано с понятием регионального комплекса безопасности. Понятие региональной подсистемы шире понятия регионального комплекса, одновременно оно является “плоскостным” понятием, а региональный комплекс – “объемным” (оно уже, но комплексно и многомерно). Понятие региональной подсистемы акцентирует внимание прежде всего на макрорегионе как субъекте международных отношений вообще, а региональный комплекс может являться ассиметричной частью, центром (стержнем) региональной подсистемы, а может полностью совпадать с ней. При этом для всех понятий базовым для выделения является понятие “регион”.

Региональный комплекс – группа государств, обладающая достаточно высокой степенью функциональной и географической комплексной взаимозависимости, отграничивающей ее от других регионов и определяющей тип регионального комплекса. Региональный комплекс – многомерный сегмент международного пространства регионального уровня, выделяемый на основе существования относительно устойчивой системы региональных взаимосвязей и взаимозависимостей структурно-пространственного характера разного типа (политических, экономических, культурно-исторических) и разной степени интенсивности, позволяющих отграничить его от среды или выступить подсистемным объединением различной степени цельности по отношению к международной среде.

Понятие регионального комплекса аналитически уже, чем понятие региональной подсистемы и может рассматриваться как элемент региональной подсистемы. Региональный порядок – способ организации внутренней структуры региональной подсистемы или регионального комплекса.

Великие державы (государства-лидеры), и особенно глобальные, обладают существенными возможностями оказывать влияние на ситуацию в региональных комплексах и даже в предельном выражении определять динамику их безопасности (к примеру, в период “холодной войны”). Существуют также “буферные” пространства, которые “изолируют” динамику процессов, происходящих в сопредельных региональных комплексах.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Обобщая сказанное, можно сделать вывод о том, что существующие в настоящее время в мировом сообществе концепции и параметры регионального уровня, международно-политического региона, региональных подсистем, региональных комплексов дискуссионны, но именно эти дискуссии и определяют будущее идейно-теоретических основ мирового порядка второй половины XXI в. Такая постановка вопроса объясняется следующими практическими соображениями⁴.

- Происходит трансформация Вестфальской системы⁵: изменившаяся система генерирует новые типы вызовов и угроз, которые по-другому воздействуют на государство – не уничтожают его, а подвергают эрозии некоторые из традиционных параметров и/или трансформируют в новое качество. Рассмотрение данных процессов только с точки зрения того, придают или нет субъекты международной системы значение глобальным процессам как существенным, не является достаточным.

- Становятся более выпуклыми проблемы трансформации суверенитета, которые в региональном плане усугубляются еще и тем, что после распада колониальной системы западная идея суверенного государства была привнесена в незападный мир в

⁴ Подробнее см.: [Колдунова, 2010, с. 83–88].

⁵ С политологической точки зрения система Вестфальского мира (суверенных государств) существует и сейчас, однако с исторической – она распалась.

глобальных масштабах и не везде адекватно соответствовала местной специфике. В сложившейся ситуации оказалось, что незападные страны с формальной точки зрения обладают международно-правовым суверенитетом, однако многие из них свою территорию могут контролировать лишь частично либо вообще не обладают полноценным контролем над территорией.

- Не учитываются наднациональная и транснациональная составляющие мировых процессов, которые охватывают не только одно государство, но и региональные группы государств, и отдельные части государств. Не учитывается также явное противоречие между логикой сохраняющегося пока еще деления мира на суверенные государства и транснациональным характером глобализации. К примеру, при анализе процессов, происходящих в Африке и Латинской Америке, следует принимать во внимание деятельность негосударственных акторов, а также комплекс вызовов и угроз, источником которых не является государство в прямом смысле слова (террористические группировки, наркокартели). Предложенный в традиционных концепциях региональных комплексов безопасности (концепция “новых центров силы”) взгляд на государство не дает полного понимания контекста транснациональности.

- Одна из аналитических проблем концепции региональных комплексов связана с фиксацией их границ. В то же время проблематика “нового качества” границ (концепции “проницаемости границы”, границы как зоны сотрудничества, границы как зоны экономического взаимопроникновения и взаимодействия, границ “трансформеров”, не мешающих развитию трансграничных процессов) трудно концептуализируется и встраивается в традиционные теории международных отношений.

- В мире явственно происходят процессы “теневой интеграции” регионов – “стягивания” за счет нетрадиционных/неформальных/неформализованных угроз и других типов угроз, а также региональные трансформации и более широкие и глубокие тенденции (макрорегионализация). Современные исследователи предусматривают возможность трансформации регионального комплекса. Механизм подобной трансформации пока не совсем ясен (соответственно, трудно вырабатывать практические рекомендации) и, кроме того, в расчет не принимаются внутренние процессы, которые зачастую становятся причинами появления и распространения новых “внешних” для других участников процессов и трендов (нетрадиционных угроз безопасности). Игнорируются такие проблемы, которые оказываются шире по территориальному охвату, нежели национальное государство, либо группа государств.

Необходимо отметить появление целого ряда операциональных концепций, которые фиксируют отдельные макрорегиональные изменения, в том числе связанные с процессами в области экономики и безопасности. В качестве примеров следует привести концепцию мезо- и мегарайонов, а также концепцию Центрально-Восточной Азии. И наконец, необходимо выделить более широкий комплекс отечественных исследований и концепций, посвященных тенденциям макрорегионализации и пространственному измерению мировой политики (А.Д. Воскресенский, М.В. Ильин, Н.А. Косолапов, М.В. Стрежнева) на материале Европы (В.Г. Барановский, И.М. Бусыгина, О.В. Буторина, М.В. Стрежнева, Ю.В. Шишков и др.) и Восточной Азии (В.Я. Белокреницкий, А.Д. Воскресенский, В.В. Михеев, Г.И. Чуфрин и др.), происходящим под влиянием целого ряда факторов (регионального и глобального лидерства, “старых” и “новых” проблем безопасности, трансформации политических систем). Концепция макрорегионализации как нового тренда мировой политики как бы “вбирает” в себя более операциональные концепции мега- и мезорегионов и идею “стягивания” регионов и позволяет комплексно оценить эти новые тенденции. Дальнейшая теоретическая и практическая концептуализация процессов регионализации позволяет разрабатывать прикладные теории конкурентной модели регионального и национального развития, основанной на максимизации кооперативистского начала в стратегии национальной модернизации, и развития при адекватной защите национальных интересов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- “Большая Восточная Азия”: мировая политика и региональные трансформации. М., 2010.
- Восток/Запад. Региональные подсистемы и региональные проблемы международных отношений. М., 2002.
- Воскресенский А.Д. “Большая Восточная Азия”: мировая политика и энергетическая безопасность. М., 2006.
- Воскресенский А.Д. Политические системы и модели демократии на Востоке. М., 2007.
- Воскресенский А.Д. Региональные подсистемы международных отношений и регионы мира // *Восток–Запад–Россия*. М., 2002.
- Воскресенский А.Д. Сравнительный анализ политических систем, политических культур и политических процессов на Востоке как часть дискурса мирового комплексного регионоведения: общие закономерности и специфика их региональной трансформации // *Политические системы и политические культуры Востока*. М., 2006.
- Гладкий Ю.Н., Чистобаев А.И. *Регионоведение: учебник*. М., 2003.
- Дергачев В., Вардомский Л. *Регионоведение*. М., 2004.
- Доклад о мировом развитии – 2009. Новый взгляд на экономическую географию*. М., 2009.
- Замятин Д. *Мета-география: пространство образов и образы пространства*. М., 2004.
- Истон Д. Категории системного анализа политики // *Политология: Хрестоматия*. Сост.: проф. М.А. Васильев, доц. М.С. Вершинин. М., 2000.
- Колдунова Е.В. *Безопасность в Восточной Азии: новые вызовы*. М., 2010.
- Кулматов К.Н., Митрофанова А.В. *Региональные аспекты международных отношений. Учебник*. М., 2010.
- Мир политической науки. Кн.1. Категории*. М., 2004.
- Парсонс Т. *Система современных обществ*. М., 1997.
- Система, структура и процесс развития международных отношений*. М., 1984.
- Транснациональное политическое пространство: новые реальности международного развития*. М., 2010.
- Фридман Т. Плоский мир. Краткая история XXI в. М.: Аст., 2007.
- Хелд Д., Гольдблатт Д., Макгрю Э., Перратон Д. *Глобальные трансформации*. М., 2004.
- Buzan B. *Regions and Powers: The Structure of International Security*. Cambridge University Press, 2003.
- Friedmann A. *Über die Krümmung des Raumes*. Z. Phys. 10 (1922), S. 377–386.
- Immanuel W. *The Modern World System*. Vol. 1. NY., 1974.
- Non-Western International Relations Theory* / Ed. by A. Acharya, B. Buzan. NY., 2010.
- Spindler M. *Regionalismus im Wandel. Die neue Logik der Region in einer globalen Ökonomie*. Wiesbaden, 2005.
- Voskressenski A. Regional Studies in Russia and Current Methodological Approaches for Social/Historical/Ideological [Re]construction of International Relations and Regional Integration in Eastern Eurasia // *Reconstruction and Interaction of Slavic Eurasia and Its Neighboring Worlds*. / Ed. by IEADA Osamu and UYAMA Tomohiko. Sapporo: Slavic Research Center, Hokkaido University, 2006.

ОТ РЕДАКЦИИ

В № 5 2012 г. в первой части статьи А.Д. Воскресенского на с. 9, стрк. 18 сверху – вместо “А.А.” следует читать “Томаса” стрк. 19 сверху – вместе [Friedmann, 1922] читать [Фридман, 2007]; на с. 16, в списке литературы перед: Холл Д. и др. ... вставить: Фридман Т. Плоский мир. Краткая история XXI в. М.: Аст, 2007.